

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'42:81'27
ББК Ш105.51+Ш100.621

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20

А. В. Алферов
Пятигорск, Россия
Г. Е. Попова
Астрахань, Россия
А. М. Червонный
Таганрог, Россия

ЯЗЫКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ И В ЕВРОПАРЛАМЕНТЕ

АННОТАЦИЯ. В работе рассматриваются некоторые аспекты языковой ситуации в Евросоюзе и его институтах. В частности, описываются отдельные параметры мультилингвизма в Европарламенте и проблемы взаимного распределения языков в перспективе переводческой интеракции. Официально в Европейском союзе проводится политика мультилингвизма. Представленность языка в официальном дискурсивном пространстве отражает равное положение государств и этносов в Европейском содружестве. В этом отражается и противодействие языковой глобализации, представляющей косвенную угрозу мультиэтнокультурной европейской идентичности. Статус официальных (рабочих языков Европарламента) есть у двадцати четырех языков, но в системе, получившей название «интегральное контролируемое многоязычие», приоритет отдается языковой «эстафете», когда тексты документов, выступлений и прочего переводятся сначала на три ведущих языка (английский, французский, немецкий), а затем — на остальные языки Европейского союза. В статье представлен интеракционный прагмалингвистический анализ проблемы языкового варьирования и переключения кодов в ходе дебатов в Европейском парламенте с учетом интенциональной направленности выступающего (пропозициональной или интерперсональной) и степени конфликтности парламентского дискурса. Анализ проводится на материале скриптов заседаний Европарламента и сосредотачивается на тематике, посвященной отношениям Евросоюза и России в контексте обсуждения вопроса о санкциях и роли России в европейской политике. Вопрос о дискурсивной организации парламентской интеракции связывается в статье с определенной идеологической позицией участвующих в дебатах депутатов Европарламента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парламентский дискурс; мультилингвизм; европейский парламентский дискурс; парламентские дебаты; Европарламент; переключение кодов; институциональные пространства Евросоюза.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Алферов Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, директор научно-исследовательского центра интеракционной лингвистики и институционально-правовой коммуникации, Пятигорский государственный лингвистический университет; 357532, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9; e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Попова Галина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков для технических и гуманитарных специальностей, Астраханский государственный технический университет; 414025, г. Астрахань, ул. Татищева, 16; e-mail: pebble2406@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Червонный Александр Михайлович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого и французского языков Таганрогского института имени А. П. Чехова — филиала Ростовского государственного экономического университета (РИНХ); 347936, г. Таганрог, ул. Петровская, 68; e-mail: ckatrik@yandex.ru.

Официальное многоязычие Евросоюза закреплено институционально в различных социополитических сферах и является одной из идеологических скреп, призванных цементировать единство европейских народов. Языковая политика Евросоюза, тем не менее, не может реально обеспечить равные возможности всем (их около 200) региональным языкам двадцати восьми стран-участниц, да и чисто технические вопросы перевода на уровне официальных языков вызывают множественные проблемы [Языковая политика 2014]. Фактические коммуникативные возможности языков определяют их реальное функционирование. Так, на английском языке говорит почти треть населения ЕС. Следующие за ним французский и немецкий языки охватывают лишь по десять процентов населения Европы каждый. Соответственно демографическая и коммуникативная мощь остальных языков не достигает и этого уровня. Однако, несмотря на

пандемию английского языка, даже в такой общепризнанной его вотчине, как бизнес, проявляются противонаправленные тенденции. Так, по данным К. Х. Рекош, «в исследовании, проведенном в 2006 г. Национальным центром языков Великобритании „Мультилингвизм и конкурентоспособность предприятий“, сделан вывод, что для осуществления бизнеса английский язык недостаточен, растет спрос на иные, особенно на неевропейские, языки. Использование возможностей внутреннего рынка находится в том числе и под влиянием владения языками. В исследовании указывается, что экспорт мелких предприятий увеличится, если они будут придерживаться правильной языковой стратегии» [Рекош 2014].

В этом ключе показательной представляется политика французского правительства, закрепленная в документах законодательных органов Французской Республики [Корпус-2b]: «...la loi du 4 aout 1994 prévoit

Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза»).

© Алферов А. В., Попова Г. Е., Червонный А. М., 2016

l'emploi obligatoire de la langue française dans «la désignation, l'offre, la présentation, le mode d'emploi ou d'utilisation, la description de l'étendue et des conditions de garantie d'un bien, d'un produit ou d'un service, ainsi que dans les factures et quittances». Les mêmes dispositions s'appliquent «à toute publicité écrite, parlée ou audiovisuelle» (art. 2). Lorsque ces mentions sont complétées d'une ou plusieurs traductions, «la présentation en français doit être aussi lisible, audible ou intelligible que la présentation en langues étrangères» (art. 4)». В этом отрывке парламентского доклада об использовании французского языка в институтах ЕС подчеркивается необходимость французских наименований товаров и услуг, что закреплено законодательно. Нарушение соответствующих положений влечет за собой санкции. Так, по данным доклада, в 2013 г. отслежено и зафиксировано 8475 случаев несоблюдения законодательных актов об использовании французских номинаций в деловой сфере, что вылилось в 931 предупреждение и 107 протоколов, влекущих за собой штрафы и экономические ограничения. Под контролем находятся также коммерческие сайты Интернета [Там же: 20—22].

В сегодняшнем политическом пространстве Европы по-новому может прозвучать известная гипотеза «лингвистической относительности». Примененная к актуальному политическому контексту, она должна быть сформулирована следующим образом: «Если язык накладывает отпечаток на менталитет, то распространенность того или иного языка определяет политический вес идеологии, выражаемой на этом языке». Действительно, если власть обеспечивается информационной мощью, то в значительной степени последняя определяется коммуникативной мощностью языка. Однако в этой почти пародийной гипотезе есть лишь доля шутки. Не претендуя на оригинальность, это суждение отражает тем не менее глубинные и в то же время очень бурные процессы не только в языковой, но и в стратегической геополитике. В современной Европе к этому вопросу приходится относиться серьезно. Актуальность языковой политики для ЕС определяется как минимум двумя проблемами: 1) проецированием панъевропейских амбиций на проблему мультилингвизма и 2) проблемой ассимиляции наполняющих Европу переселенцев.

Политика мультилингвизма имеет две составляющие. Прежде всего она является частью интеграционной доктрины Евросоюза (ЕС), косвенно подтверждающей приведенную выше гипотезу: представленность языка в официальном дискурсивном пространстве

отражает равное положение государств и этносов в Европейском содружестве. Вторая составляющая идеи мультилингвизма отражает противодействие языковой глобализации, представляющей косвенную угрозу мультиэтнокультурной европейской идентичности.

В Европейском союзе сегодня двадцать четыре официальных языка: *английский, немецкий, французский, болгарский, венгерский, голландский, греческий, датский, ирландский, испанский, итальянский, латвийский, литовский, мальтийский, польский, португальский, румынский, словацкий, словенский, финский, хорватский, чешский, шведский и эстонский*. Количество официальных языков увеличивается со вступлением в ЕС очередной страны:

- allemand, français, italien, néerlandais — официальные языки ЕС с 1958 г.;
- anglais, danois — с 1973 г.;
- grec ... — с 1981 г.;
- espagnol, portugais — с 1986 г.;
- finnois, suédois — с 1995 г.;
- estonien, hongrois, letton, lituanien, maltais, polonais, slovaque, slovène, tchèque — с 2004 г.;
- bulgare, irlandais, roumain — с 2007 г.;
- croate — с 2013 г. [см.: Корпус 2-а].

В стенах Европарламента (далее — ЕП) к статусу официальных языков добавляется статус рабочих, на которых говорят депутаты во время заседаний и дебатов, что значительно осложняет структуру перевода. Если в 1958 г. 4 официальных языка давали 12 языковых комбинаций перевода, в 1973 г. было уже 6 языков и 30 комбинаций, в 1981 г. — 7 языков и 42 комбинации, в 1986 г. — 9 языков и 72 комбинации, в 1995 г. — 11 языков и 110 комбинаций, в 2004 г. — 20 и 380, в 2007 г. — 23 и 506, в 2013 г. — 24 языка и 552 языковые комбинации в переводе. Осуществлять перевод призваны 330 штатных и некоторое количество — число меняется в зависимости от конъюнктуры — нештатных переводчиков, работающих в 24 кабинетах — по числу официальных и рабочих языков ЕП. Кроме того, в ЕП востребованы языки стран-кандидатов в ЕС и такие языки, как русский, японский, китайский, арабский.

Алфавитный порядок приведенного выше списка языков ЕС нарушен нами в силу статуса первых трех языков (английский, французский, немецкий). Многообразие переводческих комбинаций усиливает их влияние как «эстафетных» языков (*langues-relais*). Перевод может осуществляться с более редкого языка на эти три языка-посредника (а также испанский и итальянский). В системе, получившей название «ин-

тегральное контролируемое многоязычие» («multilinguisme intégral maîtrisé»), приоритет отдается языковой «эстафете», когда тексты документов, выступлений и прочего переводятся сначала на три ведущих языка (английский, французский, немецкий), а затем — на остальные языки ЕС.

Английский, благодаря своей коммуникативной экспансии, является универсальным инструментом межъязыковой интеракции в кулуарах институтов — рабочих органов и совещаний — ЕС и ЕП (см. [Wodak et al. 2012]). Однако в Совете Европы он делит статус официального языка с французским — вторым по функциональной востребованности языком. Это обусловлено использованием последнего в дипломатической традиции: многие институциональные и политические термины и понятия имеют французское происхождение как по номинации, так и по первоначальному понятийному содержанию, поэтому отказываться от них сегодня не вполне целесообразно. Они сохраняют свою материальную языковую форму и в переводных документах [Алферов 2004]. В Европарламенте языки представлены в приблизительно корреляции с количеством депутатов, выступающих на родном языке — все двадцать четыре языка, как было отмечено, являются не только официальными, но и рабочими, используемыми в парламентских заседаниях представителями 28 стран ЕС.

Однако ЕП отличается от прочих институтов Евросоюза тем, что призван, как представительный орган, обеспечить институциональный статус многоязычия. Большинство документов переводится на все официальные языки ЕС. Каждый евродепутат вправе говорить на любом из 24 официальных и в то же время рабочих языков ЕП.

На этом фоне обращение к тому или иному языку («переключение кодов») в парламентских заседаниях имеет не столько институциональный, сколько ярко выраженный прагматический характер и зачастую подчеркивает ранг адресата и интерперсональную интенцию выступающего. Так, председатель ЕП г-н Мартин Шульц достаточно часто прибегает к стратегии языкового переключения. Приведем пример. На заседании ЕП (7 октября 2015г.), посвященном ситуации в ЕС в связи с новыми вызовами (миграция, терроризм), с совместным заявлением выступили главы Франции и Германии — Ф. Олланд и А. Меркель. Заседание открыл Председатель ЕП:

(1) **Der Präsident.** — *Als nächster Punkt der Tagesordnung folgt die Aussprache über die Erklärungen von François Hollande, Präsident der Französischen Republik, und Angela*

Merkel, Bundeskanzlerin der Bundesrepublik Deutschland, zur derzeitigen Lage in der Europäischen Union. Monsieur le Président de la République française, Mesdames et Messieurs, tout d'abord, permettez-moi, au nom du Parlement européen, Monsieur le Président, de vous adresser nos condoléances et notre solidarité après les inondations qui ont causé la mort de vingt personnes françaises et européennes et ravagé les Alpes-Maritimes le week-end passé. Nous sommes avec les victimes et leur famille. Monsieur le Président de la République, sehr geehrte Frau Bundeskanzlerin! Ich heiße Sie beide herzlich willkommen im Europäischen Parlament. Dass Sie — der französische Präsident und die deutsche Bundeskanzlerin — hier im Europäischen Parlament in Straßburg, dem Symbol der deutsch-französischen Aussöhnung, und hier im Haus der europäischen Demokratie heute gemeinsam über die Zukunft Europas sprechen, ist ganz sicher ein historischer Moment. Über Jahrhunderte waren Ihre beiden Länder — Deutschland und Frankreich — Erzfeinde, die gefangen waren in einer Spirale von Krieg, Niederlage, Demütigung und Revanche. <...> Monsieur le Président de la République française, Madame la Chancelière fédérale, depuis que Helmut Kohl et François Mitterrand sont intervenus au Parlement européen il y a vingt-six ans, vous êtes les premiers chefs de gouvernement de vos pays à prendre la parole ensemble devant notre assemblée.

Nous nous en réjouissons, et il est essentiel, en ces temps difficiles, difficiles pour l'Europe, où des défis sans précédent nous attendent, que vous soyez venus débattre à Strasbourg avec nous, les représentants des peuples. Voilà pourquoi, Monsieur le Président, Madame la Chancelière fédérale, nous sommes maintenant impatients de connaître la teneur de vos idées et de l'impulsion que vous comptez donner à notre avenir commun. Je passe la parole au président de la République française, François Hollande [Корпус-1].

Мартин Шульц не случайно дважды обращается к президенту Ф. Олланду по-французски — чтобы выразить соболезнования французским семьям, пострадавшим от наводнения. Воздается дань уважения косвенным адресатам [Алферов, Попова, Шамугия 2015] пропозиции. Такая интерперсональная стратегия отражена в известном изречении Нельсона Манделы: «Говорить с человеком на языке, который он понимает, это значит обращаться к его разуму; говорить на его родном языке — обращаться к его сердцу» [Корпус-2a]. Слово Ф. Олланду

предоставляется также подчеркнуто на французском языке.

Если депутаты ЕП, как правило, связанные официальным статусом, предпочитают выступать на родном языке, то участвующие в заседаниях внешние официальные лица часто используют английский:

(2) **La Présidente** (Mme SYLVIE GUILLAUME). — *L'ordre du jour appelle le débat sur la recommandation pour la deuxième lecture de la commission des libertés civiles, de la justice et des affaires intérieures sur l'Agence de l'Union européenne pour la coopération des services répressifs (Europol) (Rapporteur: Agustín Díaz de Mera García Consuegra).*

Agustín Díaz de Mera García Consuegra, ponente. — *Señora Presidenta; buenos días, señor Comisario, queridos colegas, amigas y amigos. Llevo trabajando en este Reglamento de obligado cumplimiento más de tres años. Como ponente, he tenido desde el principio la misma intención: dotar a Europol de un Reglamento que tuviese las herramientas necesarias para cumplir de una manera eficaz con sus tareas y con sus objetivos. <...>*

Dimitris Avramopoulos, Member of the Commission. — *Madam President, let me start by expressing my thanks to the rapporteur Mr Díaz de Mera García Consuegra. He and his team have done a great job in adopting this critical piece of legislation, after three years of tireless work, to reach this compromise. I can congratulate him on the result and express my thanks for the excellent cooperation we had. <...>*

Milan Zver, v imenu skupine PPE. — *Varnost evropskih državljanov je po koncu hladne vojne na največji preizkušnji. Razlogov za to je več: med drugim tudi ta, da smo premalo vlagali v obrambo in varnost. Padli smo v varnostni vakuum in danes se soočamo z varnostnimi grožnjami. <...> [Корпус-2с].*

Как следует из отрывка стенограммы пленарного заседания ЕП (11 мая 2016 г.), члены парламента говорят на языке страны, которую представляют в ЕП (французский, испанский, словенский и т. д.). Еврочиновник Д. Аврамопулос, комиссар по внутренним делам Еврокомиссии, предпочитает высказаться по-английски.

Следующий пример показывает, что большинство приглашенных в ЕП официальных лиц ЕС (Совет Европы, Еврокомиссия и др.) предпочитают английский. Например (заседание 10 мая 2016 г.):

(3) **Presidente** (DELL'ON. DAVID-MARIA SASSOLI). — *Il primo punto all'ordine del giorno reca la discussione sulle dichiarazioni del Consiglio e della Commissione sullo status di economia di mercato della Cina.*

Jeanine Hennis-Plasschaert, President-in-Office of the Council. — *Mr President, the question of granting market economy status to China is one of unprecedented political significance for the European Union, given its wide-ranging implications.*

Vytenis Povilas Andriukaitis, Member of the Commission. — *Mr President, it is very clear that the issue of market economy status for China, as well as the overcapacity issue in the steel sector, are two of the most important trade issues facing us. The Commission is treating them as an utmost priority [Там же].*

Однако депутаты также вольны в выборе языка. Проследим для примера, как это происходит на заседании, посвященном отношениям ЕС и России, ставшей «новым вызовом для Европы». Здесь мы можем наблюдать за выбором языка депутатов и одного члена Еврокомиссии, в данном случае не акцентируя внимания на пропозиции (содержании) выступлений. Приведем с частичным переводом отрывки выступлений, отмечая язык страны, представляемой депутатом в ЕС (**De** — немецкий; **Li** — литовский; **Po** — польский; **Fin** — финский; **Rom** — румынский):

(4) **Der Präsident (De).** — *Als nächster Punkt der Tagesordnung folgt die Aussprache über den Bericht von Gabrielius Landsbergis im Namen des Ausschusses für auswärtige Angelegenheiten über den Stand der Beziehungen EU-Russland.*

Gabrielius Landsbergis (Li), rapporteur. — *Mr President, <...> The European Union adheres to the very clear principles of the rule of law, transparency and self-determination, therefore numerous different formats and initiatives were offered to Russia in order to usher the Russian people to the path of democracy and reform. <...> Europe even turned a blind eye when people in the Kremlin were breaking the established order of international treaties. Europe did not do much when the Russian troops entered Georgia's territory and remained silent during the establishment of the Gazprom monopoly in certain countries and during trade wars when Russia would close down its borders under political pretexts. <...>*

Věra Jourová, Member of the Commission. — *Mr President, the quality and depth of EU-Russia relations is a determining factor for the stability and prosperity of our continent. Our partnership was severely impacted last year by the illegal annexation of Crimea and the destabilisation of Donbas. But Russia is also an important economic counterpart and an essential partner for the solution of many pressing international problems. <...>*

Jacek Saryusz-Wolski (Po), on behalf of the PPE Group. — *Mr President, what is most*

important in our relations with Russia is to be consistent and united. Relations between us and Russia have never been as bad as they are now. <...> Russia is not fulfilling the Minsk agreement, and this is at the core of our relationship with and attitude to Russia. The position recently taken at the G7 Summit — that the G7 is in favour of continuing the sanctions and, if the need arises, increasing them — is the best answer to Russia's present aggressive policy. <...>

Liisa Jaakonsaari (Fin), S&D-ryhmän puolesta. — *Arvoisa puhemies, Euroopan unioni on saanut Nobelin rauhanpalkinnon tunnustukseksi rauhan ja vakauden edistämiseksi maanosassamme. Tämä mielestäni velvoittaa meidät nyt suhteissamme Venäjään, vaikka se joskus tuntuu tosi vaikealta. Sillä ilman Venäjää ei Euroopassa ole rauhaa, kuten idänpolitiikan veteraani Helmut Schmidt on sanonut. Ja kuten komissaarikin totesi: "Mitä yhtenäisempi EU on suhteessa Venäjään, sen varmemmin voimme edistää eurooppalaisia ydinarvoja: demokratiaa, oikeusvaltion periaatteita, ihmisoikeuksia* (Господин президент, Европейский союз получил Нобелевскую премию за поддержание мира и стабильности на нашем континенте. Это, я думаю, определяет сегодня наши отношения с Россией, даже если они иногда испытывают трудности. «Потому что без России в Европе не будет мира», — сказал ветеран политики Гельмут Шмидт. — *Здесь и далее перевод авторов*). <...>

Kazimierz Michał Ujazdowski (Pol), ECR pytanie zadane przez podniesienie niebieskiej kartki. — *Panie Przewodniczący! Z wieloma poglądami, które tu wypowiedziała posłanka Jaakonsaari, zgadzam się, ale brakowało mi jasności i zdecydowania, „postawienia kropki nad i”. Czy socjaliści są zdecydowanie za podtrzymaniem sankcji wobec Rosji, bo to jest głównym przedmiotem decyzji Unii Europejskiej? Czy możemy usłyszeć jednoznaczne „tak” dla podtrzymania sankcji? (Казимеж Михал Уяздовский (ECR), вопрос по синей карточке. — Господин Председатель! С многими положениями, которые здесь выразила депутат Jaakonsaari, я согласен, но мне не хватало уверенности и решимости «поставить точки над „и”». Поддерживают ли социалисты санкции против России, потому что это является основным предметом решения Европейского союза? Можем ли мы услышать однозначное «да» для поддержания санкций?)*

Liisa Jaakonsaari (Fin) S&D, Vastaus sinisen kortin kysymykseen. — *Ehdottomasti sanktiot ovat tarpeellisia, ja kuten rouva Merkel on vastikään esittänyt, niitä on mahdollista myös koventaa. Mutta on tärkeää koko ajan huolehtia siitä, että avataan myös uusia visioita*

yhteistyön suhteen. Aivan kuin komissaari tuossa sanoi, jos me vain puolin ja toisin luettelemme toistemme synnit mietinnöstä toiseen avaamalla mitään uutta, tämä kierre pahenee. Sitä en haluaisi suinkaan tapahtuvan (Санкции необходимы, и их можно усилить. Но важно, чтобы все время заботиться о том, что будут открыты новые перспективы сотрудничества. Как было сказано, если мы просто будем перечислять грехи друг друга, не открывая ничего нового, положение будет становиться все хуже. Не хочу, чтобы это произошло) [Корпус-2с].

В этом фрагменте протокола ЕП депутаты, высказавшиеся за безоговорочное усиление конфронтации с Россией, предпочли родному языку, являющемуся, как было отмечено, официальным языком ЕП, английский. Допустим еще раз *ab absurdo*: не есть ли это подтверждение высказанной выше новой, идеологической и политической трактовки гипотезы «лингвистической относительности»? Конечно, это достаточно смелое предположение, основанное на примере, который, наверное, может расцениваться как совпадение. Однако, как нам представляется, вопрос о проблеме переключения кодов в дискурсе ЕП и ЕС может стать и становится нетривиальной прагмалингвистической задачей интеракционального полевого исследования (см., напр.: [Wodak 2012]). Проследим это на следующем примере из протокола того же заседания. Отметим, что «вопрос по голубой карте» является одним из способов «вторжения» (intervention, interruption) в выступление того или иного депутата. В отличие от французской Национальной ассамблеи и некоторых других парламентов, где допускаются прямые перебивания выступающего и реплицирование дискурса парламентских дебатов (о парламентском парентетическом дискурсе см.: [Алферов, Шамугия 2013]), в других парламентах, в частности в Великобритании, вместо «голубой карты» употребляется обращение к выступающему с просьбой о прерывании (the “interrupter’s” formula), например: «Mr. Robert Wareing (Liverpool, Derby): Will the Prime Minister give way? The Prime Minister: No, I will not give way to the hon. Gentleman» [Bevitori 2004: 92].

Рассматривая вопрос о «перебивании» выступающего, можно принять вслед за Ч. Бевитори триаду коммуникативных ролей в парламентском дискурсе: выступающий, говорящий (В/Г) (“current speaker”), перебивающий (П) (“interrupter”) и отвечающий (О) (“respondent”) [Idem]. Под В понимается оратор, депутат, получивший слово и начавший говорить, т. е. происходит совмещение по-

зиций В и Г. Перебивающий (П) обращается к председателю заседания с вопросом, адресованным на самом деле В/Г. Выступающий вправе отклонить вопрос или ответить на него. Иногда такой опосредованный диалог (три-/ди)-лог [Актуальные аспекты 2013] затрудняется из-за проблем перевода (реакции, переключения внимания переводчика):

В. — Anna Elżbieta Fotyga (Pol), w imieniu grupy ECR. — Pani Komisarz! Przede wszystkim chciałam wyrazić ubolewanie, że dzisiaj na sali nie ma z nami wysokiej przedstawiciel Federiki Mogherini. To jest ważna debata, to jest niezwykle ważna debata. Rozmawiamy o rzeczywiście zmieniającym się porządku międzynarodowym i Rosji, która w tym zmieniającym się porządku kosztem naszego regionu — również pani regionu, Pani Komisarz — próbuje odzyskać znaczące wpływy w świecie (Госпожа комиссар! Прежде всего хотела выразить сожаление, что сегодня в зале нет с нами Ф. Могерини. Это важная дискуссия, это очень важная дискуссия. Мы говорим о действительно меняющемся порядке в мире и в России, которая эти изменения осуществляет за счет нашего региона — а также вашего региона, госпожа комиссар, — пытается восстановить значительное влияние в мире...). <...>

П. — Liisa Jaakonsaari (Fin) (S&D), *sini-sen kortin kysymys*. — *Arvoisa puhemies, meillä varmastikin kaikilla on illuusioiden kuva Venäjältä ja siitä, mitä tällä hetkellä tapahtuu, mutta uskotteko lainkaan siihen, että on mahdollista kehittää visioyhteistyötä, re-engagement. Onko se ylipäättään Teidän ajattelussanne mahdollista? (Вопрос по голубой карте).* Господин председатель, я хотела бы уточнить, возможно ли восстановление отношений с Россией?

О. — Anna Elżbieta Fotyga (Pol) (ECR). — (*Interpretation of the blue card question was not available*) *I just wanted to listen to her question, certainly. I just replied by intuition to one phrase: 're-engagement'. But it would be better to listen to the whole question (Вопрос не был услышан).* Я хотела бы услышать ее вопрос. Я догадалась, о чем речь, по слову «re-engagement» (восстановление отношений). Но хотелось бы услышать вопрос целиком).

П. — Liisa Jaakonsaari (Fin) (S&D), *blue-card question*. — *I am sure that we all have the Russian picture — we have no illusions — but I want to ask whether you agree with the Commissioner that there should be, and could be, a kind of vision developed looking towards the re-engagement of Europe with Russia (Повторяет вопрос по-английски).*

О. — Anna Elżbieta Fotyga (Pol) (ECR), *blue-card answer*. — *Madam, surely it is ex-*

tremely necessary to develop a clear vision. In my opinion, Russia is now backing off any policy of re-engagement. Good examples of this are Russia's decree banning transport to and from Afghanistan, and its breaking-off of talks with the Minsk Contact Group led by Heidi Tagliavini [Корпус 2-с].

В данном диалоге, опосредованном регламентом ЕП («голубая карта»), можно отметить следующий момент: английский язык приобретает здесь метадискурсивную функцию «языка-посредника», которая возникает сразу же, как только происходит то или иное отклонение от протокола (см. также: [Wodak 2012]). Интересно, что последующие реплики П и О также произносятся на английском языке. Более того, на английский переходят и следующие выступающие. Симптоматический, нестрогий анализ показывает, что меньше всего к английскому прибегают итальянские, французские и немецкие депутаты ЕП. Чаще это делают представители новых европейских стран:

Victor Boştinaru (Rom) (S&D). — *Mr President, knowing that the Front National got a loan of EUR 49 million from a Russian bank, I consider there is a clear conflict of interest here, and the Members in question should be prevented from voting.*

(*Applause*)

Marine Le Pen (Fr) (NI). — *Monsieur le Président, je pense que vous usez probablement de votre impunité au sein de cette instance pour diffamer vos collègues. Ceci est absolument scandaleux, Monsieur. Vous savez pertinemment que le Front national a emprunté à une banque russe. Nous ne l'avons jamais caché à personne. Mais nous, à la différence de vous, on ne peut pas nous acheter. Alors peut-être s'agit-il d'une accusation en miroir? (Г-н Председатель, думаю, вы превышаете свои полномочия и позволяете дискредитировать своих коллег — депутатов. Это совершенно неприемлемо! Все давно знают об этом займе. Мы ничего не скрываем. Но мы, в отличие от вас, не продаемся, возможно, ваше обвинение можно переадресовать вам самим?).*

Как показывает приведенный фрагмент, Марин Ле Пен обращается и к председателю заседания, и к предыдущему выступающему. Это еще одно свидетельство того, что опосредованный дискурс чаще всего обусловлен конфликтной пропозицией выступающего, обвинениями, намеками, инсинуациями (ср.: [Алферов, Кустова 2014-а; Bevitori 2004]). Таким образом, в рассматриваемом контексте дискриминационный дискурс имеет два адресата в сегодняшнем ЕП: косвенного — Россию (об аргументативной генерализации

концепта см.: [Алферов, Кустова, Попова 2015]) и прямого — оппонентов из числа оппозиционных партий внутри Европарламента (подробнее см.: [Алферов, Кустова 2014]).

Переход с одного языка на другой («code-mixing») может показаться проблемой скорее психолингвистической, как *code-switching* вообще (см., напр., [Алферов 2004; Проценко 2004]). Однако, как показывает исследование, многое в условиях официального многоязычия институтов ЕС обуславливает политический и идеологический аспект любого «непроизвольного» действия и высказывания.

Таким образом, языковая политика ЕС и провозглашаемая ею идея многоязычия концептуально противопоставлены языковой (пан)глобализации. Однако некоторые глубокие когнитивно-интеракционные механизмы полиэтнокоммуникации создают свои условия (ограничения) и вызовы, особенно в рамках институционального дискурса «единой» Европы, в частности, в коммуникативном пространстве Европарламента.

ИСТОЧНИКИ

1. Копныс-1. Débats Mercredi 7 octobre 2015 — Strasbourg. Situation actuelle dans l'Union européenne Déclarations de M. François Hollande, président de la République française, et de Mme Angela Merkel, chancelière de la République fédérale d'Allemagne. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do>.
2. Копныс-2. a. Parlement européen. L'interprétation. URL: <http://www.europarl.europa.eu/interpretation/fr/the-interpreter.html>.
3. Копныс-2. b) Rapport au parlement sur l'emploi de la langue française (2014). URL: <http://www.culturecommunication.gouv.fr/Politiques-ministerielles/Langue-francaise-et-langues-de-France/La-D-GLFLF/Nos-priorites/Rapport-au-parlement-sur-l-emploi-de-la-langue-francaise-2014>.
4. Копныс-2. c. Parlement européen. Débats Mardi 9 juin 2015 — Strasbourg <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef>.

A. V. Alferov
Pyatigorsk, Russia
G. E. Popova
Astrakhan, Russia
A. M. Chervony
Taganrog, Russia

LANGUAGES IN THE POLITICAL SPACE OF CONTEMPORARY EUROPE AND IN THE EUROPEAN PARLIAMENT

ABSTRACT. *The article discusses some aspects of the languages spoken in the European Union and its institutions. Several parameters of multilingualism in the European Parliament are described; the problems of distribution of languages from the point of view of translation practices are analyzed. The policy of multilingualism is carried out in the European Union. The role of the language in the official discursive space reflects the equality of the states and ethnicities in the EU. This is counteraction against globalization in languages, which is the potential threat of multicultural European identity. Twenty four languages have the status of official languages (the languages of European Parliament), but in the system called “integral controlled multilingualism” the priority is given to the three main languages (English, French and German) and all the official documents and speeches are translated first into these languages, while translation into all the other languages is carried out later. The article presents interactional pragma linguistic analysis of the problem of the languages variation and code-switching in the course of debates in the European Parliament with regard to the intention of the speaker (propositional or interpersonal) and the level of conflict of parliamentary discourse. The analysis is carried out on the basis of the scripts of the sessions devoted to the problems of relations between Russia and EU in the context of discussion of sanctions against Russian and the role of Russia in the European politics. The question of discursive structure of the parliamentary interaction is connected with the certain ideological view of the participants of the debates in the European Parliament.*

KEYWORDS: *parliamentary discourse; multilingualism; European parliamentary discourse; parliamentary debates; European Parliament; code-switching; institutional spaces of the European Union.*

ABOUT THE AUTHOR: *Alferov Aleksandr Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Director of Centre of Interactional Linguistics & Law and Institutional Communication, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia.*

ЛИТЕРАТУРА

5. Актуальные аспекты интеракционной теории языка : моногр. / А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова, Г. Э. Айрапетов, Г. Е. Попова, А. М. Червоный, А. С. Черенков, Л. Г. Шамугия. — Пятигорск, 2013.
6. Алферов А. В. О сопоставлении в прагматике // Вестн. Пятигор. гос. лингвистического ун-та. 2004. № 2/3. С. 185—187.
7. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации: подходы к исследованию // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 24—32.
8. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Прагма-семантическая конверсия как фактор динамики языковой системы (на материале русских и французских интеръективных форм) // Вестн.к Пятигор. гос. лингвистического ун-та. 2014а. № 1. С. 59—62.
9. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Релевантность в концептуализации России во французском парламентском дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 57—62.
10. Алферов А. В., Попова Г. Е., Шамугия Л. Г. Косвенные адресаты протокольного парламентского дискурса: интеракционный анализ // Вестн. Пятигор. гос. лингвистического ун-та. 2015. № 3. С. 135—138.
11. Алферов А. В., Шамугия Л. Г. Репликативный дискурс парламентских дебатов (на материале скриптов заседаний французского парламента) // Вестн. Пятигор. гос. лингвистического ун-та. 2013. № 3. С. 109—112.
12. Проценко Е. А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике // Вестн. ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. С. 123—127.
13. Рекош К. Х. Языковая политика в Европе — Вавилоне XXI века // Вестн. МГИМО : электр. изд-ние. 2014. № 3 (36). С. 224—231. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/filologiya/yazykovaya-politika-v-evrope-vavilone-xxi-veka> (дата обращения: 21.04.2016).
14. Языковая политика и языковые конфликты в современном мире : междунар. конф. (Москва, 16—19 сент. 2014 г.) : докл. и сообщения / отв. ред. А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко ; Инс-т языкознания РАН, Науч.-исслед. центр по национально-языковым отношениям. — М., 2014. 637 с.
15. Bevitori C. Negotiating conflict: Interruptions in British and Italian parliamentary debates // Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse / ed. by Paul Bayley. — Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins B.V., 2004. P. 87—110.
16. Wodak R., Krzyżanowski M., Forchtner B. The interplay of language ideologies and contextual cues in multilingual interactions: Language choice and code-switching in European Union institutions // Language in Society. 2012. № 41. P. 157—186.

ABOUT THE AUTHOR: *Popova Galina Evguenievna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages for Technical and Humanitarian Professions, Astrakhan State Technical University.*

ABOUT THE AUTHOR: *Chervony Alexandr Mikhailovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of German and French Languages Department of Anton Chekhov State Institute (branch) of Rostov State University of Economics (RSUE), Taganrog, Russia.*

REFERENCES

1. Korpus-1 . Débats Mercredi 7 octobre 2015 — Strasbourg. Situation actuelle dans l'Union européenne Déclarations de M. François Hollande, président de la République française, et de Mme Angela Merkel, chancelière de la République fédérale d'Allemagne. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do>.
2. Korpus-2. a. Parlement européen. L'interprétation. URL: <http://www.europarl.europa.eu/interpretation/fr/the-interpreter.html>.
3. Korpus-2. b) Rapport au parlement sur l'emploi de la langue française (2014). URL: <http://www.culturecommunication.gouv.fr/Politiques-ministerielles/Langue-francaise-et-langues-de-France/La-DGLFLF/Nos-priorites/Rapport-au-parlement-sur-l-emploi-de-la-langue-francaise-2014>.
4. Korpus-2. c. Parlement européen. Débats Mardi 9 juin 2015 — Strasbourg <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef>.
5. Aktual'nye aspekty interaksional'noy teorii yazyka : monogr. / A. V. Alferov, E. Yu. Kustova, G. E. Ayrapetov, G. E. Popova, A. M. Chervonyy, A. S. Cherenkov, L. G. Shamugiya. — Pyatigorsk, 2013.
6. Alferov A. V. O sopostavlenii v pragmatike // Vestn. Pyatigor. gos. lingvisticheskogo un-ta. 2004. № 2/3. S. 185—187.
7. Alferov A. V., Kustova E. Yu. O diskursivnom statuse i kategoriyakh parlamentskoy kommunikatsii: podkhody k issledovaniyu // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3. S. 24—32.
8. Alferov A. V., Kustova E. Yu. Pragma-semanticheskaya konversiya kak faktor dinamiki yazykovoy sistemy (na materiale russkikh i frantsuzskikh inter"ektivnykh form) // Vestn.k Pyatigor. gos. lingvisticheskogo un-ta. 2014a. № 1. S. 59—62.
9. Alferov A. V., Kustova E. Yu., Popova G. E. Relevantnost' v konseptualizatsii Rossii vo frantsuzskom parlamentskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2. S. 57—62.
10. Alferov A. V., Popova G. E., Shamugiya L. G. Kosvennye adresaty protokol'nogo parlamentskogo diskursa: interaksional'nyy analiz // Vestn. Pyatigor. gos. lingvisticheskogo un-ta. 2015. № 3. S. 135—138.
11. Alferov A. V., Shamugiya L. G. Replikativnyy diskurs parlamentskikh debatov (na materiale skriptov zasedaniy frantsuzskogo parlamenta) // Vestn. Pyatigor. gos. lingvisticheskogo un-ta. 2013. № 3. S. 109—112.
12. Protzenko E. A. Problema pereklyucheniya kodov v zaru-bezhnoy lingvistike // Vestn. VGU. Ser. «Lingvistika i mezhekul'turnaya kommunikatsiya». 2004. S. 123—127.
13. Rekosh K. Kh. Yazykovaya politika v Evrope — Vavilone XXI veka // Vestn. MGIMO : elektr. izd-nie. 2014. № 3 (36). S. 224—231. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/filologiya/yazykovaya-politika-v-evrope-vavilone-xxi-veka> (data obrashcheniya: 21.04.2016).
14. Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire : mezhdunar.konf. (Moskva, 16—19 sent. 2014 g.) : dokl. i soobshcheniya / otv. red. A. N. Bitkeeva, V. Yu. Mikhail'chenko ; Ins-t yazykoznaniya RAN, Nauch.-issled. tsentr po natsional'no-yazykovym otnosheniyam. — M., 2014. 637 s.
15. Bevitore C. Negotiating conflict: Interruptions in British and Italian parliamentary debates // Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse / ed. by Paul Bayley. — Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins B.V., 2004. P. 87—110.
16. Wodak R., Krzyzanowski M., Forchtner B. The interplay of language ideologies and contextual cues in multilingual interactions: Language choice and code-switching in European Union institutions // Language in Society. 2012. № 41. P.157—186.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.